

История – в деталях.
Интервью с Оксаной
Запорожец

«Осторожно, дети!», или
О детских площадках
в городе

Что углубленно изучать
на 2–3-м курсах, или Не-
сколько слов о майно-
ре «Социология рынков
и организаций»

Разрешение парадокса
Золушки

**Нестандартно мыслить
и нестандартно поступать**

Think, Do Different

**О майноре «Социология
рынков и организаций»
читайте на с. 12**

Уважаемые читатели!

Мы выбираем, нас выбирают – таков девиз февральского номера «ЭСФорума».

В рубрике «Знакомимся» представлено интервью с Оксаной Запорожец, ведущим научным сотрудником ИГИТИ имени А.В. Полетаева НИУ ВШЭ. Она рассказала о том, как город стал ее любимой исследовательской темой.

В рубрике «Узнаем» опубликовано эссе младшего научного сотрудника ЛЭСИ НИУ ВШЭ Елены Гудовой ««Осторожно, дети!», или О детских площадках в городе», где демонстрируется, как устроены островки детства в мегаполисе.

В рубрике «Учимся» помещен информационный материал о майноре «Социология рынков и организаций», подготовленный младшим научным сотрудником ЛЭСИ НИУ ВШЭ Максимом Маркиным. В данном тексте раскрывается основная идея и структура представляемого на выбор студентам направления.

В рубрике «Шутим» предложен перевод очерка профессора Гарвардского университета Эдварда Глейзера, в котором он при помощи современной экономической теории виртуозно объясняет успех Золушки на брачном рынке.

**С пожеланиями приятного чтения!
Создатели «ЭСФорума»**

Интервью с Оксаной Запорожец

История – в деталях

Оксана Запорожец
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных
историко-теоретических
исследований имени
А.В. Полетаева (ИГИТИ),
доцент департамента социологии
НИУ ВШЭ

– Оксана, когда и почему у вас возник интерес к исследованию города?

– Город – это моя давняя любовь. В начале 2000-х я провела год в Америке, и когда вернулась домой в Самару, увидела, как сильно город изменился за время моего отсутствия: где-то неожиданно выросли дома, что-то было снесено, что-то заброшено и пришло в упадок. И я поняла, что нужно обязательно изучать город. Мне было не вполне ясно, что и как нужно делать, но очень хотелось заняться городскими исследованиями. Где-то с 2003 г. я начала изучать город в рамках разных проектов, а в 2007 г. городские исследования стали основным направлением моей работы. В настоящее время я преподаю учебный курс «(Пост)современный город» в магистратуре и курс «Мегаполисы мира» в рамках гуманитарных факультативов НИУ ВШЭ. В этом учебном году на курс была объявлена открытая запись, и его выбрали полторы тысячи человек, почти маленький стадион.

– Какой исследовательский проект станет для вас главным в 2016 году?

– Я буду заканчивать исследование метро.

– Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

– Все началось с моего интереса к казанскому метро. В 2005 г. я преподавала курс по качественным методам в Центре социологии культуры в Казани. Именно в то время там открылось метро, и это стало городским событием номер один. В то время метро состояло всего из нескольких станций, и все они были очень помпезными. При этом, зайдя в казанское метро, можно было увидеть потоки воды, льющие с потолка, и ведра, стоящие, чтобы всю эту воду уловить, завершали картину тряпки, лежащие то тут, то там и пахнущие, как все советские тряпки. В общем, образ метро как технологического чуда в моей голове плохо вязался с этими тряпками, и я поняла, что поле нашло исследователя. Гораздо позже был переезд в Москву и встреча с другим метро. Причем мой переезд совпал с периодом терактов, поэтому московская подземка меня откровенно пугала. И я подумала – чтобы перестать бояться метро, нужно начать его исследовать. Вот так, убегая от собственных страхов и подстегиваемая собственным любопытством, я начала исследовать метро. Параллельно мы с Ольгой Бредниковой начали работать над сборником «Микроурбанизм. Город в деталях»¹. Он вышел в издательстве «Новое литературное обозрение» полтора года назад, и мы до сих пор чувствуем интерес к нему. Нам приятно, что предлагаемый нами и авторами сборника антропологический подход – взгляд на город глазами отдельного человека – оказался востребованным. За прошедшее время у книжки появились совершенно разные читатели: наряду с исследователями она стала интересна и горожанам, и ар-

хитекторам, и современным художникам. И это то, к чему мы стремились. Наша задача заключалась в том, чтобы понятно и интересно рассказать о современном городе. Для этого мы предложили перейти от больших схем, рассматривающих город как постсоветский, капиталистический или глобальный, к рассказу о городе через детали, благодаря которым во многом и создается городская жизнь. Мы хотели не только обозначить свой подход, но и напомнить о равноправии нарративов, и в частности, что художники, журналисты и, нередко, обыватели очень тонко и вдумчиво анализируют город и не менее интересно о нем рассказывают. Получается, что основная заслуга социологов состоит в умении обозначить проблему и предложить язык ее описания, благодаря которому становится возможным ее публичное обсуждение, чтобы оно не сводилось к перечислению отдельных случаев. Например, при обсуждении городских проблем в Европе и Америке и горожанами, и властями активно используется изначально социологическое понятие «дженетрификация». Могу предположить, что современные художники любят социологов за то, что мы облекаем идеи или образы в слова. При этом для нас очень важно сотрудничество с художниками, так, например, недавно на одной из публичных лекций, организованных Фондом В-А-С, мы с Ольгой Бредниковой обозначили проблему, а присутствующие художники тут же придумали, как ее решить. Вот так мы и вдохновляем друг друга. Еще один текущий проект посвящен цифровому городу, мы разрабатываем его совместно с Екатериной Лапиной-Кратасюк. В этом случае мы никуда не уходим от антропологии, нам по-прежнему интересно, как город проживается и создается человеком. Однако мы говорим о новой городской среде, создаваемой при помощи цифровых технологий, мобильной связи и гаджетов.

¹ Микроурбанизм. Город в деталях / отв. ред. О.Н. Запорожец, О.Е. Бредникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Нам интересно узнать, как цифровая среда меняет поведение горожанина и как возможность современного человека быть «на связи» преобразует город. Одна из наших задач заключается в создании топографии цифрового города. В частности, мы обращаем внимание на то, что связь все-таки не вездесуща, и нам важно понять, что происходит с человеком, когда он из нее выпадает. Потому что, с одной стороны, люди начинают думать: «Как же я без Интернета?», а с другой — потирают руки и говорят: «Слава Богу, хоть отдохну!». Такой непреднамеренный *digital detox*.

Конечно, цифровизация меняет городское пространство. Для нас важно, что такие изменения внутренне противоречивы и разнонаправлены. Например, моя коллега Екатерина Лапина-Кратасюк изучает *e-government* и показывает, что старое содержание подчас прекрасно заполняет новую форму. Например, в доцифровую эпоху бюрократия весьма эффективно создавала препятствия, мешающие взаимодействию горожан и чиновников. Сегодня для этого она успешно адаптирует «цифру». Достаточно вспомнить «интерактивные» сайты и приложения, заставляющие пользователя играть по правилам бюрократии и по-прежнему говорить ее языком. Вместе с тем проникновение цифровых технологий в городскую повседневность приводит к существенным структурным изменениям: меняются городские профессии, появляются новые основания для городских конфликтов и проч. Меня особенно интересуют «цифровые таксисты» — те, кому новые технологии, такие как онлайн-навигаторы, позволили прийти в профессию и более-менее успешно в ней оставаться. В этом случае технологии меняют профессиональные компетенции, ведь традиционно таксист был человеком, который либо очень хорошо знает город, либо очень хорошо пользуется картами. Сегодня все это необязательно. По собственному опыту мы знаем, что, если в такси не работает навигатор, ты вынужден становиться «ко-водителем» и прокладывать маршрут, основываясь на собственном знании города или использо-

вании своего навигатора, потому что водитель без гаджета абсолютно беспомощен. И конечно, цифровизация города не всегда проходит мирно. Например, то, что происходит с такси UBER, это, по-своему, новое восстание луддитов², люди против технологий.

— Оксана, в каком методологическом ключе вы реализуете ваши проекты?

— Это можно назвать антропологическим подходом.

— Антропология как подход, отличный от социологии?

— Как человеку, занимающемуся социологическими исследованиями, мне бы не хотелось так говорить. Скорее, речь идет о внимании к сюжетам и подходам, концентрирующимся на человеке и его опытах, порою игнорируемых социологами. К таким традициям можно отнести, например, феноменологический подход к исследованию города, разрабатываемый Вальтером Беньямином. Центральный вопрос для Беньямина — кто и как проживает город? Беньямин обращается к фигуре флангера — горожанина, который появляется в XIX в. Это праздный одинокий прогуливающийся, увлеченный городом и его соблазнами, противостоящий толпе. И сегодня вопрос о том, кто и как своими действиями создает городскую повседневность, по-прежнему важен, потому что город меняется. Например, современный город — это уже не столько город медленно и с удовольствием прохаживающихся фланеров, сколько автомобилистов, пассажиров и спешащих по своим делам пешеходов.

Возвращаясь к вопросу о соотношении антропологического и социологического, стоит отметить, что социологи прекрасно говорят о городе, но социологический язык все-таки ориентирован на типичное действие, он во многом основан на обобщениях и классификациях. Для нас же важно сосредоточиться на ин-

дивидуальном опыте, уменьшить масштаб рассмотрения. На курсе я обычно даю студентам практические задания и каждый год прошу их погулять — погулять по городу бесцельно и написать о своих впечатлениях. И уже здесь начинаются сложности — многие не понимают: как это можно бродить по городу просто так? Еще интереснее читать эссе, когда становится понятно, что у студентов практически нет языка, чтобы описывать происходящее: к обыденному они обращаться не могут, поскольку это кажется им ненаучным, а тот язык, которому они учились, не позволяет описывать происходящее. И тогда получаются такие перлы, как, например: «Я шел по городу и навстречу мне попадались разные слои населения». Для меня это очень показательный пример социологического мышления категориями, как результат увлеченностей типами и группами. Однако для понимания города важно и то, как он проживается отдельным человеком, вплоть до того, как он проживается телом. Есть замечательные культурологические работы, которые показывают, как возникают опыты жизни в современном массовом городе. В том числе к ним относятся навыки толкания и другие телесные маневры, позволяющие человеку существовать в толпе. Сегодня исследователи также много пишут о пространственных биографиях, биографиях мобильности, т.е. интерес к индивидуальному проживанию города существенно возрастает. В связи с этим исследователей интересуют совершенно различные группы: уличные музыканты и художники, мамочки с колясками, люди, перемещающиеся по городу с сумками, потому что подобное телесное расширение запускает социальное взаимодействие. Подобная фокусировка позволяет нам замечать то, что останется невидимым для больших теорий. И мне кажется, что имеет смысл дополнить социологическую дискуссию подобными сюжетами.

В прошлом году нас с Ольгой Бредниковой пригласили преподавать в институте урбанистики «Среда» в Санкт-Петербурге³. И помимо всего

² Луддиты (англ. *luddites*) — участники стихийных протестов первой четверти XIX в. против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B4%D0%B4%D0%B8%D1%82%D1%8B>

³ URL: <http://sredadesign.org/>

прочего в рамках этого курса мы со студентами должны были изучать «Парнас» – район новой застройки в Санкт-Петербурге. Наверное, легче всего было бы рассуждать об этом районе в «классических» категориях, например, в категориях класса или гендера. Тем более эксперты рынка жилья предоставили нам необходимую информацию, описав «Парнас» как место, «где живут женщины 30–35 лет, среднего класса, преимущественно одинокие». Когда мы вышли во дворы, то увидели, что на практике это пространство обживается и трансформируется главным образом двумя группами людей. С одной стороны, это мамочки, которые в современном городе являются большой движущей силой. И вторая сила, которую никогда не заметишь сквозь призму больших социологических теорий, – это собачники. И мне кажется очень важным замечать такие группы, потому что пространство не может принадлежать абстрактному среднему классу, оно складывается в том числе из взаимодействий «здесь и сейчас». Поэтому для урбанистов вот эта чувствительность к деталям, к персонажам становится исследовательской логикой.

– Выходит, такая логика не всегда понятна коллегам из академической среды?

– Да, потому что социология привычно стремится рационализировать происходящее, при этом эмоциональность, телесность, пространственность социального очень часто ускользают из поля зрения. Немного повторюсь, но свою задачу мы видим не в чем-то глобальном, а в создании и легитимации языка описания, улавливающего присутствие человека в городе и значимые детали городской жизни, чтобы наши студенты понимали, что о городе можно говорить не только в терминах социальных категорий или социальных институций. Например, ситуации, когда что-то идет не так, в социологии повседневности принято обозначать терминами «поломка», «сбой». Мы с Ольгой Бредниковой полагаем, что понятие «споткнуться», одновременно отсылающее к телесным, пространственным и эмоциональным опытам и позволяющее пере-

дать присутствие человека в городе, может быть не менее полезным. Так происходит приращение социологического аппарата, и в нем появляются новые регистры. Это не создание глобальных теорий, а, скорее, обозначение возможностей, шанс подумать по-новому, что тоже важно.

– Как удается описывать подобные наблюдения? Получается ли при такой восхищенности городом не забывать о проблемах надежности, валидности и т.д.? Все-таки вы постоянно балансируете на грани науки и искусства, науки и литературы...

– Для меня литература – это не ругательство, и, если мы занимаемся литературой, это, скорее, комплимент, потому что хорошие тексты не так легко написать. Вопрос об описании – это во многом вопрос научной традиции, того, что в ней доминирует, а что оказывается маргинальным. Хорошо, что качественной социологией уже не пугают детей, ее преподают и успешно осваивают, но тем не менее мы часто забываем, что это зонтичное обозначение, и лишь ее отдельные версии близки позитивизму как та же обоснованная теория, которая так любима, в том числе и количественниками, за наличие очень четкой процедуры верификации. Тяготеющая к позитивизму качественная социология легко приживается, находит себе поклонников и адептов. Однако мы часто забываем, что качественная социология может быть и импрессионистской, основанной на инсайтах, не нуждающихся в верификации. Нужна ли и важна эта разновидность качественной социологии? Мне думается, что да, если она производит новое знание. Мне очень близка идея беньяминовского письма, которое я люблю приводить как эталон, когда собственные чувства, собственное понимание ситуации и оказываются шагом к значимым обобщениям. Такая возможность перейти к чему-то общему, как мне кажется, возвращает нас в социологию с ее концептуализациями. Например, в нашем с Романом Абрамовым тексте⁴ я писала об

очень странных, на первый взгляд, вещах, а именно о кормушках в Царицынском парке. Ведь в представлении многих кормушки – это абсолютно несоциологическая тема. И тем не менее они оказываются очень важными для понимания городской жизни. Я много времени провела в Царицыно, фотографируя кормушки, разговаривая с прохожими, а также теми, кто их пополняет. Кормушки и все, что вокруг них происходит, может быть описано с помощью категории «заботы». Разговор о заботе ставит под сомнение привычное для социологии представление о городе как о пространстве одиночества и отчуждения, показывая, что параллельно с отчуждением и конфликтами в городе развиваются другие отношения. Что в нем до сих пор находится место для отношений с природой, ведь кормушки учат замечать город в широкой перспективе, не ограничивая природу случайно увиденной на помойке крысой. Кроме того, кормушки позволяют ощутить присутствие «невидимых других» – множества людей, мастерящих кормушки, регулярно пополняющих их, устанавливающих «правила пользования». Кормушки, таким образом, оказываются материализацией заботы и частью других отношений, того же социального контроля. Так, на одной из кормушек была надпись, что орехи предназначены для белок, и красть их нехорошо. Такие детали, как кормушки, позволяют нам перейти к более общим категориям, например понятию городской заботы. Причем это понятие не является очевидным, оно не сильно разработано, в отличие от концепции эмоциональной работы, например.

Случай с кормушками показывает, что то, что мы обычно опускаем из анализа, наоборот, стоит в него включить, потому что за этим прослеживаются структуры, границы, способы выстраивания социальности. Недавно в новостях москвичей попросили не выходить на улицу без надобности, потому что на тротуарах гололедица. Но еще в 20-х годах

⁴ Абрамов Р.Н., Запорожец О.Н. Пространство любви и пространство заботы: практи

ки народного освоения Царицыно // Царицыно: аттракцион с историей / отв. ред. Н.В. Самутина, Б.Е. Степанов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 273–302.

XX в. Беньямин писал, что ненавидит Москву за лед под ногами, делающий невозможным перемещение, стирающий различия между тротуаром и дорогой. То есть Москва и лед – это, увы, тема с историей.

И здесь важно не только уметь заметить сюжеты, но и написать о них. Недавно я студентам на курсе по обоснованной теории рассказывала о достаточно странном способе представления результатов исследования, когда ты переворачиваешь логику изложения результатов, начиная писать не с постановки проблемы, а с результата. Этот способ предлагает Барни Глейзер – один из создателей обоснованной теории и признанный интеллектуальный провокатор. Он называет такой стиль письма «перевернутой воронкой». Глейзер отмечает: несмотря на аксиому, согласно которой в теории не может быть положений, не подтвержденных данными, в процессе письма эта идея обычно нарушается. Это происходит, когда статья выстраивается в соответствии с классическими принципами академического письма, т.е. когда проблема исследования обосновывается с помощью общих данных или теоретических положений, но не материалов исследования. На практике это означает, что мы сначала исходим из данных, а получив результат, начинаем описывать его в русле привычной академической логики, сверху вниз, т.е. возвращаясь к тому, от чего уходили. Глейзер говорит: «Нет, давайте попробуем писать по-другому». И «обоснованные теоретики» пробуют писать, сознательно нарушая каноны академического текста. У моей любимой Кэти Чармаз⁵ есть прекрасная книга про хроническую болезнь, выходу которой предшествовал цикл статей. Одну из них она начинает с констатации того, что в американском обществе нет принятия хронической болезни, что прогрессивное общество не умеет жить с болезнью, которая приводит к постоянному ухудшению состояния. Мало того, что пациент постоянно сражается за свое здоровье и преодолевает боль, ему приходится тратить уйму

Subway (Метро). Автор: Стив Хаммонд. URL: www.flickr.com

сил на изобретение своей идентичности, на оправдание своего нового состояния. Фактически Чармаз начинает статью с вывода своего исследования, и весь текст становится расшифровкой и аргументацией ее находки – описанием трудностей существования с хронической болезнью. Так заключение становится началом. И еще одна важная особенность такого письма состоит в том, что статья не заканчивается выводами. Она завершается постановкой вопросов, которые должны вдохновлять на новые исследования.

Я объясняю студентам, что не прошу их всю профессиональную жизнь писать исключительно в этом стиле, но попробовать определенно стоит. Тем более что это сложно. Ведь часто мы пишем, ожидая, что наш вывод появится в процессе письма. Писать по-другому – это огромный вызов. Поэтому пробовать разные стили презентации текста, разные типы исследования – это ужасно интересно. Переходить от регистра к регистру, владеть разными стилями – это исследовательский драйв и способ повышения адреналина. И здесь важно признать, что существует множество стилей письма. Социологам нужно об этом помнить.

– В заключение нашего разговора, посоветуйте, пожалуйста, что-нибудь интересное для чтения. Что за последнюю пару лет потрясло, поразило, запомнилось?

– Не факт, что самое важное было прочитано в недавнем времени, у значимых идей большой «срок годности». В социологии города мне

хочется отметить даже не книгу, а книжную серию «*Studia Urbanica*», которая появилась в издательстве НЛО несколько лет назад совместными усилиями НЛО и редактора серии – Олега Паченкова. В этой серии публикуются и переводы классических теоретических работ, и книги, выполненные на основе полевых исследований, в том числе и российских. Это очень важная инициатива, которая привлекает внимание широкого круга читателей к городским исследованиям, а также создает площадку для публичного обсуждения проблем современного города.

Из методологической литературы на меня произвела впечатление современная адаптация обоснованной теории, предлагаемая Адель Кларк⁶. Все ждали, что метод будет как-то изменяться, подвергаться ревизии. И то, что в 2014 г. Кларк и Чармаз были соредакторами четырехтомника по качественным методам⁷, мне кажется очень важным.

Что касается городских исследований, то мне вспоминается книга Иэна Синклера⁸. В ней рассказывается о странствии автора по лондонской кольцевой дороге. Эта книга возвращает исследованию дух приключения и легкой авантюры, ко-

⁵ URL: <http://www.sonom.edu/sociology/faculty/kathy-charmaz.html>

⁶ URL: <http://cstms.berkeley.edu/people/adele-clarke/>

⁷ Grounded Theory and Situational Analysis. 4 vol. / ed. by A.E. Clarke, K. Charmaz. Sage Benchmarks in Social Research Series. L.: Sage, 2014.

⁸ Sinclair I. London Orbital. L.: Penguin, 2003.

⁵ URL: <http://www.sonom.edu/sociology/faculty/kathy-charmaz.html>

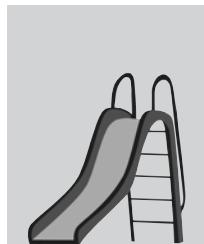
торые сегодня, к сожалению, достаточно редко встречаешь в исследовании. Лондонская кольцевая не сильно отличается от московской, в том смысле, что прогулка по ней – предприятие достаточно рискованное. В этом смысле «открытие» Синклером мест, не подразумевающих присутствия человека, мест, обычно исключенных из городской жизни, практически сопоставимо с путешествием на Марс.

Если продолжать говорить о городских исследованиях, то я бы вспомнила книгу «City of Walls» Терезы Калдейра, посвященную Сан-Паулу⁹. «Город стен» – *must have* для российских урбанистов. Благодаря этой книге становится очевидно, что идея особенности российского городского опыта, социальной организации крупных российских городов отчасти является следствием узости кругозора исследователей и плохого знания мировой практики. Эта книга создает новый вектор сравнения – мы привыкли сопоставлять российские города с европейскими или североамериканскими, но оказывается, что для понимания ситуации гораздо продуктивнее учитывать опыт Латинской Америки. Мы говорим, что для российских городов характерны разобщенность, дефицит солидарности, невозможность наладить конструктивный диалог между различными группами и структурами. Калдейра описывает абсолютно сходные реалии. На примере высокостатусных сообществ она демонстрирует, как чувство собственной исключительности, личной значимости, отсутствие ценности коллективного опыта на уровне социального класса и навыков переговоров делает невозможным договор между горожанами. Книга дает возможность узнать привычные детали городской жизни и одновременно прочувствовать сопротивление российского опыта с общими региональными тенденциями, что для городских исследователей очень важно.

Беседовала
Елена Бердышева

⁹ Caldeira T.P.R. City of Walls. Crime, Segregation, and Citizenship in São Paulo. L.; Berkley; Los Angeles: University of California Press, 2001.

«Осторожно, дети!», или О детских площадках в городе

Елена Гудова
аспирант департамента
социологии,
младший научный сотрудник
ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Введение

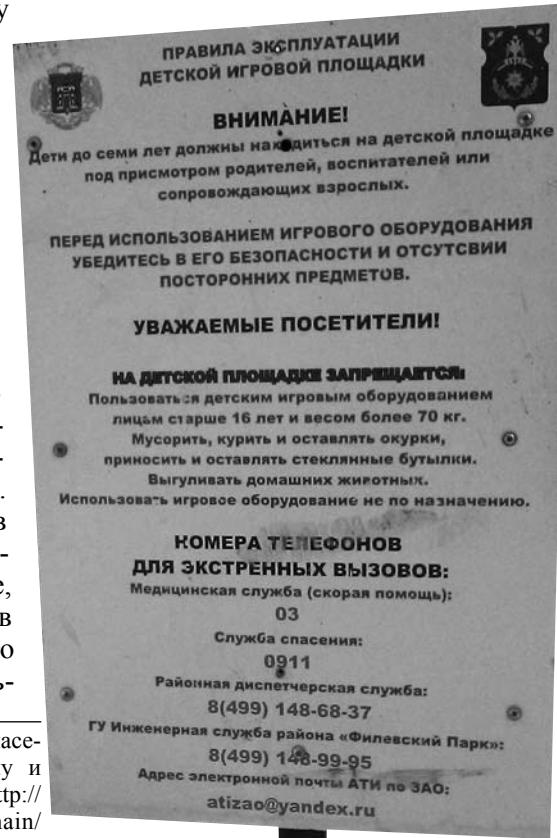
Москва, как и любой другой мегаполис, – это город взрослых. В сегодняшнем городе не заметны дети: они не играют во дворе и на улицах, их не встретить в общественном транспорте, а увидеть можно чаще всего во время перемещений между домом, школой (или детсадом), кружками и секциями. Тем не менее по данным на 1 января 2015 г. в Москве проживало 700 тыс. детей возраста от года до 6 лет и еще 500 тыс. младших школьников (7–11 лет)¹, что в совокупности составляет почти 10% населения города, и статистика говорит, что каждый 10-й встреченный нами прохожий должен быть ребенком. Возможно, статистика даже недооценивает ситуацию, ведь «взрослость» мы померить не можем. Однако, как пишет К. Вард в своем антропологическом исследовании жизни детей в городе, «замечательно думать о детях [в городе], пока не осознаешь, что они [здесь] существуют. Как толь-

ко мы совмещаем эти две мысли, что-то теряется...»².

Сара Холлоуэй и Джилл Валентайн указывают, что интерес к детству в западной социологической традиции долго оставался в рамках четырех классических подходов: социо-структурного, детства как «меньшинства», конструкционистского и детства «как племени»³. Но вплоть до расцвета социальной географии (*social geography*) никто не задавался вопросом, как различные по своим социально-демографическим характеристикам жители, в данном случае дети, воспринимают пространство, используют его, наделяют различными смыслами, и отли-

² Ward C. The Child in the City. N.Y.: Pantheon Books, 1978.

³ Holloway S.L., Valentine G. Children's Geographies: Playing, Living, Learning. L.; N.Y.: Routledge, 2004.

¹ Бюллетень Росстата «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2015 г.». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094

чаются ли в этом они от взрослых. Иначе говоря – как соотносятся между собой категории «детства», «пространства» и «места»⁴.

В данной работе нами сделана попытка эмпирически выявить связь между указанными категориями на примере детской площадки – места (и пространства), куда детство «помещается» взрослыми, и которое далее обживается и переосмысливается детьми на свой лад. Как на самом деле происходит конструирование пространства площадки? Кто и что в нем задействовано и как? Кому детские площадки принадлежат? Можно ли их назвать *детскими местами* в городе, и что делает (или не делает) их таковыми?

Локализация детства

С 1970-х годов активное развитие в рамках упомянутой социальной географии получило направление «география детей» (*children's geographies*), поскольку стало очевидным, что дети приобщаются и переосмысяют глобальные процессы через создание своих собственных «миров» значений. Не только «детскость» определяет восприятие пространства (и детьми, и взрослыми), но и пространство, в свою очередь, наделяет понимание детства новыми сюжетами и социально-пространственными практиками.

Какие же пространства города дети определяют и «обживают»? Ю. фон Андель выделил пять типов таких пространств в городе.

1. Места для активностей – все те места, где дети могут играть, конструировать что-либо из различных материалов, двигаться (улицы, тротуары, даже торговые центры).
2. Места, где возможны интеракции с другими детьми или взрослыми.
3. Места с разнообразными элементами окружения и широкими возможностями их использования и комбинирования (например, места со сложным дизайном, аллеи парков).
4. Места, где есть элементы природы – трава, деревья, источники воды.
5. Безопасные, скрытые и спрятанные места⁵.

Российский психолог Мария Осорина в своей книге «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых»⁶ предлагает иную классификацию.

1. Места игр (по сути, любое пространство, которое ребенок может, как потенциально, так и в нормативном ключе, приспособить для игры).
2. «Страшные» места (подвалы, чердаки, помойки – все, что вызывает страх и неприятные ощущения).

⁴ Hart R. Children's Experience of Place. N.Y.: Irvington, 1979; Holloway S.L., Valentine G. Spatiality and the New Social Studies of Childhood // Sociology. 2000. Vol. 34. No 4. Pp. 763–783; Holloway S.L. Changing Children's Geographies // Children Geographies. 2014. Vol. 12. No 4. Pp. 377–392.

⁵ Van Andel J. Places Children Like, Dislike, and Fear // Children's Environments Quarterly. 1990. Vol. 7. No 4. Pp. 24–31.

⁶ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. Спб.: Питер, 2008.

3. Интересные места (для наблюдений за кем- или чем-либо).
4. «Злачные» места (места, где добывается запретное, либо совершается недолжное – например, свалка).
5. Места встреч или уединения.
6. Экзистенциальные места (места, где происходит рефлексия, самосознание, духовный опыт).

За пределами дома свобода детских перемещений в пространстве всегда ограничивается и контролируется родителями, исходя в первую очередь из соображений безопасности и потенциального ущерба здоровью и нравственности ребенка⁷. Андель также отмечает, что привязанность детей к каким-либо местам во многом ограничена родительскими соображениями безопасности – например, детям запрещают играть на стройке. Но во многом ограничения складываются и из того, что детство локализовано.

Из самых очевидных мест локализации выделяются образовательные институты и их территории, а также детские площадки. Если с первыми все более-менее понятно, то вторые вызывают чуть больше вопросов и определенный интерес, поэтому о них мы и поговорим подробнее в данной статье.

У локализации детства есть множество причин, которые условно можно разделить на две группы: технологическое развитие и социальные сдвиги в обществе. Технологическое развитие в первую очередь связано с достижениями в транспорте: рост числа автомобилей ведет к росту количества несчастных случаев с детьми на дороге, что влечет за собой уход детей с улицы.

Социальные сдвиги оказали не меньшее влияние: представление о детях постепенно трансформировалось от «маленьких взрослых» к умилительным «маленьким ангелам», которые не то что работать не должны, но должны предаваться играм и обучению в *специально отведенных местах* (а лучше дома), но никак не на улице⁸. Появление уличных торговцев и праздно разгуливающих жителей также способствовало тому, что улицы перестали быть площадкой для игр^{9:10}. Небезынтересна и еще одна рассматриваемая причина локализации дет-

⁷ Там же.

⁸ Karsten L. Family Gentrifiers: Challenging the City as a Place Simultaneously to Build a Career and to Raise Children // Urban Studies. 2003. Vol. 40. No 12. Pp. 2573–2584; Holloway S.L., Valentine G. Children's Geographies: Playing, Living, Learning. Zelizer V.A.R. Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children. Princeton: Princeton University Press, 1985.

⁹ К примеру, популяризованная Уолтером Беньямином фигура «фланера», праздного горожанина, всегда подразумевает не только его объективную «взрослость», но и то, что прогуливается он тоже среди других взрослых. Так, и по сей день «шатание» детей по улице начинает считаться «легитимным» и перестает вызывать вопросы у взрослых либо с определенного возраста, либо лишь в определенное время дня (к примеру, время школьных уроков таковым не является). См.: Беньямин В. Центральный парк // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 211–227.

¹⁰ Coninck-Smith N. de. Where Should Children Play? City Planning Seen from Knee-Height: Copenhagen 1870 to 1920 // Children's Environments Quarterly. 1990. Vol. 7. Pp. 54–61.

ства – модернизация и джентрификация¹¹ города. К примеру, Вивиана Зелизер отмечает, что в 1910 г. муниципалитет Нью-Йорка потратил 120 тыс. долл. на строительство 250 детских площадок лишь потому, что игра детей на улице наводила на мысли о бедности и неблагоустроенности.

«Гегемония взрослых»

Валлентайн рассуждает о жизни детей в городе еще более предельными категориями и говорит о возникшей «гегемонии взрослых»^{12;13}. Она напрямую отсылает нас к дискурсу власти и вопросу о том, кому принадлежат различные места в городе, в том числе детские площадки. «Двор» и «улица» – территория, которую можно охарактеризовать отсутствием ответственных взрослых (значимых и узнаваемых) и социальных границ. Более того, «улица» – это переходное, лиминальное состояние, отделяющее нуждающегося в опеке и во всем ограниченного не-взрослого от полноценного и свободного взрослого¹⁴. Томпсон подчеркивает, что в пространствах, где власть распределена очевидным образом, можно говорить о происходящей «территориализации» (*territorialisation*) – возможности взрослых контролировать и определять передвижения детей на определенной территории и саму эту территорию. Особенность данных ограничений на физическую активность [детей] в том, что для осуществления власти взрослым не нужно оккупировать пространство¹⁵. Если задуматься, это актуально для любой детской площадки, поскольку территориальные «права» взрослых как бы выносятся за границы, но неизменно проявляются в постоянной возможности вмешательства в происходящее и фразах «Иди, покатайся с горки» или «Это не наша лопатка, вот наша, копай тут».

Одной из наиболее интересных работ об отношениях власти на детских площадках является исследование Х. Блэкфорд. С опорой на Фуко Блэкфорд применяет концепцию паноптикума к конструкции и принципам функционирования наблюдаемых ею площадок в приго-

¹¹ Автор данного понятия, Рут Гласс, подразумевала под джентрификацией вытеснение из района проживаний более бедных жителей более состоятельных и сопутствующие этому реконструкцию и повышение престижности района. См.: URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Gentrification>

¹² Valentine G. Children Should Be Seen And Not Heard: The Production And Transgression of Adults' Public Space // Urban Geographies. 1996. Vol. 17. No 3. Pp. 205–220.

¹³ При этом «гегемония взрослых» предполагает дискриминацию не только детей, но и вообще всех тех, кто не удовлетворяет портрету полноценного взрослого человека например, людей с ограниченными возможностями.

¹⁴ Филипова А.Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 79–94; Matthews H. The Street as a Liminal Space. The Barbed Spaces of Childhood // Children in the City Future of Childhood / ed. by P. Christensen, M. O'Brein. L.; N.Y.: Routledge, 2002. Pp. 101–117.

¹⁵ Thomson S. «Territorialising» the Primary School Playground: Deconstructing the Geography of Playtime // Children Geographies. 2005. Vol. 3. No 1. Pp. 63–78.

роде Сан-Франциско: дети играют в центре площадки, а родители (в большинстве случаев матери) наблюдают за происходящим из своеобразного «кольца», сформированного лавочками вокруг. Безусловно, в отличие от заключенных, дети знают, что за ними наблюдают. И хотя матери не могут делать это в каждый момент времени, каждый раз, совершая что-то «недозволенное», дети бросают взгляд в сторону «кольца» – у родителей есть «глаза на затылке», это так же очевидно, как и то, что «Санта знает, как ты вел себя в этом году»¹⁶.

Наблюдение (*surveillance*), проводимое родителями, выступает по отношению к детям дисциплинирующей практикой и символизирует родительскую власть на площадке. Но также важно отметить, что паноптикум площадки превращает родителей в некое сообщество с единой целью и распределенной ответственностью, где каждый член сообщества также наблюдает за родительскими практиками другого¹⁷.

Пространство площадки достаточно интересным образом можно переосмыслить, используя концепцию Анри Лефевра. Так, «гегемония взрослых» по праву является собой «репрезентацию пространства»: высота и удаленность объектов, их материалы рассчитаны профессиональными архитекторами и педагогами; маленькие качели и горки радуют малышей, ведь созданы «специально» для них (когда вся остальная среда для них недружественна, а здесь – *их место*); пользование объектами площадки достаточно жестко регламентировано – не старше *N* лет, не тяжелее *M* килограмм.

«Репрезентирующими» эти пространства становятся потому, что дети всегда будут переосмысливать имеющееся, проявлять фантазию. Дети на площадке могут действовать, исходя из «предписанной» взрослыми логики объекта, либо «преодолевать» ее¹⁸. Дети *еще не умеют* пользоваться этими пространствами, они только учатся это делать, поэтому горки становятся космическими станциями, качели – звездным шаттлом, а груда стульев в комнате (или кабинете) – шалашом. Здесь же и проявляются «пространственные практики», когда субъективные смыслы сталкиваются с необходимостью реализации (а у детей часто недостаточно знаний, опыта, ресурсов для реальной перекрошки пространства, и в этом они снова зависимы от взрослых).

Лефевр утверждает, что «социальное пространство не состоит из набора вещей, из суммы фактов (чувственных), (...) оно не сводится к «форме», приданной явлениям, вещам, физической материальности»¹⁹. И на наш взгляд, это наиболее очевидно на «детских площадках» – только они сегодня могут одновременно быть

¹⁶ Blackford H. Playground Panopticism Ring-Around-the-Children, a Pocketful of Women // Childhood. 2004. Vol. 11. No. 2. Pp. 227–249.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых; Соколова М.В. Привлекательность детской уличной площадки. Опыт эмпирического исследования // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 4. С. 54–63.

¹⁹ Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 27–29.

космической ракетой и пиратским кораблем, а завтра стать просто «площадкой».

Таким образом, опираясь на имеющуюся литературу, мы можем предположить, что детские площадки действительно «локализируют» детство в городе и предлагают детям действовать в пространстве, созданном для них и контролируемом взрослыми. Каким образом все происходит на практике?

«Поле» у качелей

Для ответа на поставленные выше вопросы было проведено три наблюдения на двух детских площадках и прилегающей к ним парковой территории в микрорайоне «Филевская пойма» г. Москвы в декабре 2014 г.²⁰ Все наблюдения проводились по выходным с 13.00 до 16.00, поскольку в этом временном промежутке дети так или иначе оказываются на улице (после обеда, перед полдником, до или после сна, после совершения родителями всех важных утренних дел, когда родители, наконец, собирались с силами в выходной и вышли на улицу – и т.д.). Продолжительность каждого наблюдения варьировалась и длилась от 40 минут до 1 часа²¹.

Следует отдельно отметить, что большую роль в наблюдении сыграли погодные условия и время года. Так, наблюдения приходилось прерывать и останавливать из-за снега (ветра, холода и проч.), к которым исследователь не был подготовлен (а гуляющие были – что является отдельной темой); к тому же возможности и функции детских площадок зимой меняются, что является вполне понятным, но не самоочевидным фактом.

Достаточно важно и то, что наблюдение проводилось в «спальном» районе города, следовательно, в других районах – и особенно в центральной части Москвы – детские площадки могут использоваться совершенно иначе (в центре больше офисных зданий и помещений, сдаваемых в аренду, а также иной состав населения; выше стоимость земли, а значит, ее невыгодно отдавать под площадки; хуже экология и выше уровень шума и т.д.). Эта разница не позволяет экстраполировать полученные данные на другие площадки в Москве.

Помимо этого существенными являются ограничения роли исследователя. Наблюдающее участие и участвующее наблюдение, а тем более участие являлись невозможными ввиду того, что исследователь не обладал очевидными для других участников мотивами присутствия на площадке (без ребенка, но существенно старше детей на площадке). В такой ситуации более активное вовлечение могло бы быть расценено участниками минимум как нарушение территориальных границ, а максимум – как потенциальная угроза.

Ввиду этого была принята роль наблюдателя, которая позволяла *соприсутствовать* на некотором расстоя-

²⁰ Помимо наблюдаемых двух площадок также анализировалось местоположение еще двух в парке и одной во дворах.

²¹ Возникающие по ходу наблюдения вопросы на уточнение задавались знакомым мамам, которые имеют возможность гулять с детьми, поскольку присутствие и активность взрослого на детской площадке без ребенка может вызывать вопросы и даже рассматриваться в качестве угрозы.

нии и не взаимодействовать. Однако даже в этом случае многие родители и дети бросали удивленные взгляды в сторону бесцельно бродящей по площадке вполне взрослой девушки. В результате также нельзя гарантировать, что исследователь косвенным образом не влиял на происходящее.

«Детская площадка» или «play ground»?

Физические границы и планировка

Все площадки, находящиеся во дворах домов, окружены заборами – бордюрами, а также кольцом машин, фактически представляя собой баррикаду, которая еще больше ограничивает пространство визуально и физически. Те же площадки, которые находятся в парке, по понятным причинам заборов не имеют. Благодаря этому создается впечатление, что площадки во дворах буквально отпираются от наступающей со всех сторон недружелюбной техно-действительности, а площадки в парке «расплюются» по парку и заполняют все его свободное пространство. Так, площадкой для игры становится то место в парке, где происходит сама игра между детьми или ребенком и взрослым.

Но заборчики имеют вполне понятное происхождение: застройка микрорайона происходила блоками, следовательно, внутренняя территория дворов между домами была заранее распланирована. Те площадки, которые находятся в парке, вполне вероятно, появились там уже после самих парков, но что более важно – границы между площадками и всем остальным там более проницаемы и практически невидимы (кроме степени «вытоптанности» тех или иных участков).

Обе наблюдаемые площадки во дворах соседствовали с посторонними объектами – электростанцией, генератором и проч. Это можно объяснить необходимостью вместить в свободное пространство между домами все возможные строения для обеспечения потребностей жителей, однако близость к детям объектов с высоким напряжением никого не пугала. Наоборот, дети переосмыслили и использовали их для игр – догонялок, пряток, снежков.

Важную роль играет и «проходимость» площадки. Одна из площадок по всей длине разделяется пешеходной дорожкой на два независимых сектора, где происходят свои активности: горки и лесенки с одной стороны, качели и лавочки – с другой. Это повышает число посетителей: шли мимо из магазина (или в магазин), остановились, повозились, пошли дальше.

Другая дворовая площадка менее популярна, поскольку находится между домом и небольшой дорогой, а внутри монолитна. Так, если на первой площадке все время было хотя бы трое детей с родителями, на второй – два ребенка постарше, предоставленные сами себе. «Проходимость» площадки становится крайне важной в парке – если рядом с ней не проходит аллея, велика вероятность, что играть там никто не будет.

От планировки площадки и того, что на ней есть, существенным образом зависит то, кто на нее придет. И в этом, на наш взгляд, просматривается презентация места: поставили песочницу – будут малыши, установили брусья или турник – появились подростки. Эти две категории не конкурируют друг с другом и

могут использовать одну площадку в разное время, но ни разу за время наблюдения они не находились там в один момент²². К аналогичным выводам при исследовании детских площадок в каталонских городах пришли М.Б. Ферре, А.О. Гуитарт и М.П. Феррет: возраст детей является наиболее важным фактором, одновременно определяющим формат использования площадки и следующим из него. Так, если для детей младшего возраста (до 6 лет) необходимы горки, песочницы и домики для их *использования*, более старшим детям уже не так интересно непосредственно оборудование площадки, им интереснее использовать свободное пространство и наделять инвентарь другими функциями и значениями²³. Часто выбирают площадку не дети, а их родители (или маршрут – как в случае с большой проходной площадкой). И тогда критериями становятся не только наличие или отсутствие каких-то объектов, а их физическое состояние, состояние земли, на которой площадка находится, количество присутствующих людей. Для ребенка занятые качели – это занятые качели, на них нельзя покататься, для взрослого – это *очередь*, которую нужно отстоять. Ямы, канавы, рытвины для детей представляют собой объект игры или препятствие, для родителей – потенциальную опасность. Чем больше таких «спорных» объектов, тем с меньшей вероятностью конкретная семья пойдет туда гулять.

Символические границы, среда обитания и обитатели

Как уже было сказано выше, на площадке обычно можно встретить родителей и детей младшего возраста, а также самостоятельных детей постарше. Едва ли на площадке можно встретить ребенка (или подростка), тем более взрослого, который пришел туда один – это вызывает недоумение и то странное чувство, возникающее, когда человек натыкается на невидимые стенки социальных норм. Детская площадка функциональна, там играют дети. Если ты не ребенок (или не с ребенком) и не играешь, зачем ты пришел? Именно в легитимности присутствия и заключалась одна из основных трудностей наблюдения. По своему смыслу это открытое пространство, где старшие особи выгуливают потомство. Любой одинокий чужак – под подозрением.

В отличие от взрослых, определяющих границы этого пространства по формальным критериям заборчиков, дети более изобретательны. Так, у детей на площадке едва ли есть способ помешать физическому перемещению взрослых или даже захвату территории (в связи с рассмотренными нами выше властными отношениями и представлениями о безопасности). Однако переосмысление и *переигрывание* этого пространства (которое работает, даже если ребенок один: «Ты попала в секретную зону! Уи-ууу, сирена! Проход закрыт!») создает символическую границу и отделяет взрослого от участия в игре, и тем

²² Данный вывод не ограничивается только временем наблюдения, но, по опыту исследователя, достаточно распространен в реальной жизни.

²³ Ferré M.B., Guitart A.O., Ferret M.P. Children and Playgrounds in Mediterranean Cities // Children Geographies. 2006. Vol. 4. No 2. Pp. 173–183.

самым производит новые смысловые коннотации места. То же самое случается, если дети не хотят пускать какого-то еще ребенка в игру. Это вполне соответствует аналогичным выводам предыдущих исследований²⁴.

Однако, как показали результаты наблюдения, наиболее сильное влияние и на само пространство, и на его границы, и на обитателей оказывает такой фактор, как погода. По наблюдениям и опыту автора, детская площадка зимой и летом – два абсолютно разных места. Летом ситуация продиктована гегемонией взрослых: разрозненные и жестко зафиксированные объекты статичны даже для детской фантазии, дети играют с тем, что находится на площадке, или тем, что сами принесли (ну и друг с другом и с родителями). Площадка есть для того, чтобы *на ней* играть, *с ней* поиграть нельзя, это предписанная логика объекта²⁵. Зимой на площадке есть *снег*, и это меняет все. Разрозненные объекты сразу «склеиваются», между ними появляются дорожки от снеговиков, крепости, снежки. Объекты *вовлекаются* в игру, потому что теперь за ними можно спрятаться и использовать в качестве секретного места. Площадка становится единой, а игра переносится с горки/качелей/песочницы в *единое пространство*. Более того, это единое пространство *выпирает* за границы – заборчики-бордючки – потому что на асфальте и на машинах тоже есть снег. И здесь неожиданную роль играют сугробы: они не только расчищают пространство от снега и облегчают передвижение, но и физически разграничают площадку и не-площадку, находясь аккурат у бордюров. Если в дворовых площадках снег размывает границы, то в парке площадки сливаются воедино с окружающей средой. Они служат теперь *центрами притяжения*, но игра и активность переносятся под деревья, на дорожки, на открытые поляны. У части детей появляется специфическая активность – санки – которая отрывает игру от площадок и конкретных мест в парке и переносит ее в более широкие рамки парка и улицы (то же с некоторыми поправками будет справедливо и для лыж).

Дж. Нэш обратил внимание, что погода в большинстве социологических исследований рассматривается исключительно как декорации, и разве что серьезные катализмы могут послужить стимулами для преодоления рутины. В своем исследовании городов Сент-Пол и Миннеаполис в Миннесоте он выявил, что в суровых зимних погодных условиях происходят существенные изменения социального порядка: меняется повседневная рутина (маршруты, бюджеты времени, некоторые привычки); уменьшается количество людей на улице; в «хорошую» погоду возникает ощущение праздника; также происходит определенная психологическая адаптация (дух приключений, восприятие «город – мой», персонализация)²⁶.

²⁴ Holloway S.L., Valentine G. Spatiality and the New Social Studies of Childhood; Holloway S.L., Valentine G. Children's Geographies: Playing, Living, Learning; Ferré M.B., Guitart A.O., Ferret M.P. Children and Playgrounds in Mediterranean Cities.

²⁵ Соколова М.В. Привлекательность детской уличной площадки. Опыт эмпирического исследования.

²⁶ Nash J.E. Relations in Frozen Places: Observations on Winter Public Order // Qualitative Sociology 1981. Vol. 4. No 3. Pp. 229–243.

Но в данном случае нам более интересна интерпретация Нэшем влияния погодных условий²⁷ на социальные взаимоотношения и поведение через призму концепции Гоффмана. Зимой происходит демократизация публичного пространства, так как индивид получает возможность использовать окружающую среду не только жестко детерминированным образом. То же самое происходит и среди детей на детской площадке зимой: поскольку границы пространства размываются, а его физические характеристики позволяют проявлять креативность и играть не *на* площадке, а *с* ней и *вне* ее, дети получают больше независимости в своих действиях, выборе игр и партнеров. Конечно, речь не идет о том, что снег делает площадки более демократичными, но он делает более демократичным пространство – визуальные, а за ними и символические границы детских и не-детских мест становятся чуть менее четкими²⁸.

Безусловно, площадки имеют также множество социальных функций – освоение детьми различных ролей, опыт социального взаимодействия, усвоение норм и правил поведения (те же функции, но в более психологическом ключе, выделяет и М. Осорина). Однако в отличие от «летних» площадок, «зимние» дают посетителям также возможность непосредственного взаимодействия с окружающей средой [природой] и погодой, что также накладывает отпечаток и на образ жизни, и на освоение пространства²⁹.

Куда уходит детство?

С учетом выполняемых функций и возможностей, предоставляемых детям, а также того, как дети этими возможностями пользуются, детскую площадку можно назвать «детским местом». Но какие детские места остаются в городе, если площадки нет (нет поблизости, она на ремонте, она старая или разломана, ее замело снегом, там кладут трубы и т.д. и т.п.)? Какие еще пространства будут обживаться детьми в городе?

По мнению и опыту знакомых родителей, а также согласно наблюдениям, заменять площадку могут дом, торговый центр и «прогулка до магазина» – в зависимости от настроения ребенка и родителей, наличия специфических целей прогулки и других факторов.

В магазине и торговом центре (ТЦ) происходит, по большей части, пространственное перемещение ребенка. Сами эти места для детства мало приспособлены и нацелены не на игровую активность, а скорее, на покупательскую способность маленьких посетителей: трогать ничего (или практически ничего) нельзя, все можно

²⁷ Причем зима – это не столько про температуру, сколько про ощущения того, как оно там за окном (*sensation outdoors*).

²⁸ Тезис Нэша амбициознее: зима, по его мнению, приводит едва ли не к мягкой форме аномии – например, более лояльному отношению полиции к мелким нарушениям правил дорожного движения пешеходами, снижению негатива к распивающим спиртное в публичных местах и т.п. См.: Nash J.E. Relations in Frozen Places: Observations on Winter Public Order.

²⁹ Vannini P., Waskul D., Gottschalk S., Ellis-Newstead T. Making Sense of the Weather Dwelling and Weathering on Canada's Rain Coast // Space and Culture. 2012. Vol. 15. No 4. Pp. 361–380.

Наблюдаемая площадка. Автор: Елена Гудова

попробовать-узнать-испытать только после покупки. Если на площадке все *общее*, то в магазинах все *скоро станет чьим-то* (причем не ребенка).

В магазинах и ТЦ появляется понимание *правильного или хорошего поведения и шалостей*. Все, что на площадке было игрой, вне ее пределов и вне других мест, где игра разрешена, становится *шалостью*. Детство туда «кочует» но делает это *временно*. Если это не парк развлечений, услышать от ребенка, что ему хочется именно туда, можно достаточно редко.

Прогулка же без определенного места вообще с трудом соотносится с детскостью, поскольку ее нет в городе, а для ее существования нет условий. Получается, что либо площадка, либо..? Другие варианты куда менее привлекательны.

Вместо заключения

Не будет серьезной ошибкой утверждать, что в современном большом городе детство локализовано, а пребывание детей в других местах крайне ограничено. Проблемами здесь выступают и «гегемония взрослых», и неравное распределение ресурсов, знаний и силы, и то, что отведенными пространствами дети могут не уметь пользоваться и вести себя (в понимании взрослых).

Детские площадки являются хорошим примером того, как наделенные властью (а в данном случае – все взрослые) отвели детям специальное место, рассчитанное и воссозданное для них, а дети пришли и сделали с этим пространством то, что захотели (и смогли). При этом данное место может быть как статичным и разрозненным, так и цельным. И как только размываются его жесткие установленные границы, детство начинает заполнять и обживать существующие «щели» и промежутки, задействовать их самым активным образом.

На наш взгляд, можно сказать, что с площадок детство редко переезжает. Переезд может состояться в парк или на другую, более подходящую по своим качествам площадку.

Такая ситуация может видеться в негативном свете – только площадки, «островки» детства, а между ними враждебная пустота. Однако дети в этом плане счастливее многих категорий жителей, потому что не у всех есть даже такие островки.

Что углубленно изучать на 2–3-м курсах, или Несколько слов о майнере «Социология рынков и организаций»

Максим Маркин

преподаватель кафедры
экономической социологии,
младший научный сотрудник
Лаборатории экономико-
социологических исследований
НИУ ВШЭ

Загадочный майнер: разоблачение

Студентам-первокурсникам почти всех образовательных программ бакалавриата НИУ ВШЭ в марте этого года предстоит сделать важный выбор. Им необходимо определиться, какие из непрофильных образовательных направлений они хотят углубленно изучать в течение ближайших двух лет. В Высшей школе экономики подобная практика называется майнером. Это означает, что на 2-м и 3-м курсах студенты проходят четыре взаимосвязанные учебные дисциплины, каждая из которых не имеет прямого отношения к их специальности. Изучение каждой из дисциплин длится два модуля.

В 2016 г. преподаватели и научные сотрудники университета предложили студентам несколько десятков майнеров. Теперь каждый первокурсник должен выбрать из всего этого многообразия только один майнер. Какой? Любой. Точнее – почти любой. Нельзя изучать майнер, который разработала профильная образовательная программа.

Возможно, некоторые студенты спросят: «Зачем нам в течение двух лет слушать четыре непрофильных учебных курса?». Есть как минимум два ответа. Во-первых, высшее образование отличается тем, что предполагает фундаментальную подго-

товку, которая возможна только в условиях выхода за пределы дисциплинарных границ. Во-вторых, непрофильные учебные дисциплины не только расширяют кругозор учащихся, но и позволяют им приобрести навыки, которые в сочетании со знаниями, полученными в рамках основного направления подготовки, дают синергетический эффект и повышают дальнейшую конкурентоспособность на рынке труда.

Все студенты разные. Одни планируют свою жизнь на несколько лет вперед, другие лишь выбирают вектор своего развития, оставляя за собой право корректировать путь по мере продвижения. Для тех первокурсников, которые не готовы сразу определиться с направлением майнера, есть возможность отдать предпочтение так называемому свободному майнеру. Он обладает двумя ключевыми особенностями. Во-первых, студент выбирает непрофильные учебные дисциплины только на один год, а не на весь период сразу. Во-вторых, наполнение майнера определяется самим слушателем. В этом и заключается заявленная в названии свобода. Студент может взять любые четыре непрофильных учебных курса из абсолютно разных майнеров. Важно, что при таком выборе слушатель определяется с курсами дважды – в конце первого и в конце второго годов обучения.

Майнер (ни монолитный, ни свободный) не означает получение второй специальности. В дипломе будет указано только направление подготовки по основной образовательной программе. Однако все прослушанные непрофильные учебные дисциплины найдут свое отражение в приложении к нему.

«Социология рынков и организаций»: чему и как учат?

Майнер «Социология рынков и организаций» предлагается преподавателями и научными сотрудниками кафедры экономической социологии и Лаборатории

экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ (руководитель – профессор, д.э.н. В.В. Радаев). В рамках этого майнера рынки и организации рассматриваются во всем разнообразии их конкретных форм, что является во многом альтернативным неоклассической экономической теории взглядом. Именно благодаря включению в анализ социальных отношений, культуры, власти, эмоций и институтов можно понять, как работают реальные рынки и организации. Примером может служить вопрос «Как вывести российский бизнес из “тени”?». Понятно, что поиск ответа нельзя свести лишь к формальным логическим построениям. Необходимы также социологические рассуждения о сложном процессе сочетания экономических и неэкономических факторов, которые способствуют появлению на рынках новой культуры ведения бизнеса.

Майнер «Социология рынков и организаций» совмещает теоретическую и прикладную подготовку. Важным является акцент на освоение студентами актуального материала. С одной стороны, слушатели познакомятся с современными теориями, с другой – освоят навыки прикладного экономико-социологического анализа современных рынков и организаций. Не секрет, что одним из самых сложных элементов исследовательского процесса выступает демонстрация того, как теоретические знания связаны с реальным положением дел. Современная экономическая социология представляет собой сильный методологический аппарат для решения проблемы перехода от теории к эмпирике и обратно.

Многие занятия в рамках майнера запланированы в форме практикумов, включающих проектную работу. Известно, что в большинстве компаний все больше задач решается при помощи проектной работы, напоминающей реализацию миниследования в небольших группах. Таким образом, содержание майнера «Социология рынков и организаций» отвечает последним мировым

тенденциям, а полученные студентами знания и навыки будут востребованы на рынке труда.

«Социология рынков и организаций»: от общих слов к конкретике

Майнор «Социология рынков и организаций» состоит из четырех взаимосвязанных учебных дисциплин: «Социология современных рынков», «Организации и институты», «Предпринимательство и создание новых фирм» и «Неформальная и моральная экономика».

Прототипом учебной дисциплины «Социология современных рынков» (лекции читает М.Е. Маркин) является одноименный курс, который в течение последних нескольких лет до появления майноров с успехом шел на факультете экономических наук. Ежегодно его выбирали от 100 до 200 студентов. Сквозь призму экономико-социологического подхода в нем рассматривается то, как устроены современные производственные рынки, рынки труда, финансовые рынки и рынки эстетических продуктов. Как ведущие компании защищают свое положение от фирм-претендентов? Какую роль играют социальные связи при приеме на работу и ее поиске? Насколько рациональным является поведение трейдеров? Каковы механизмы ценообразования на произведения современного искусства? Ответы на эти и многие другие вопросы студенты получают не только из литературы, но и на основании проведения собственных мини-исследований и в рамках мастер-классов, на которые приглашаются эксперты рынка.

Логичным продолжением майнора «Социология рынков и организаций» является учебная дисциплина «Организации и институты» (лекции читает И.В. Павлютин). Курс знакомит студентов с базовыми категориями социологического анализа организаций и интеллектуальной историей организационной теории. Курс нацелен на совмещение теоретического и эмпирического анализа организаций посредством обсуждения ключевых текстов и выполнения практических заданий. Благодаря реальным кейсам границы ор-

Преподаватели майнора «Социология рынков и организаций»

Светлана Барсукова – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии, заместитель заведующего Лабораторией экономико-социологических исследований. Автор монографии «Неформальная экономика» – лучшего учебного пособия России 2009 г. по версии Международной ассоциации институциональных исследований. Лучший преподаватель НИУ ВШЭ в 2011, 2012, 2013, 2014 и 2015 гг.

Елена Бердышева – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований. Профессиональные интересы связаны с социологией ценообразования, маркетизацией жизненно важных благ. Лучший преподаватель НИУ ВШЭ в 2011 г.

Максим Маркин – преподаватель кафедры экономической социологии, младший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований. Профессиональные интересы связаны с социологией рынков и государственным регулированием экономики. Лучший преподаватель НИУ ВШЭ в 2013, 2014 и 2015 гг.

Иван Павлютин – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований. Профессиональные интересы связаны с социологией хозяйственных организаций, исследованиями образования. Лучший преподаватель НИУ ВШЭ в 2013 г.

Александр Чепуренко – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической социологии, руководитель департамента социологии, заведующий Лабораторией исследований предпринимательства. Один из ведущих исследователей малого бизнеса в России. Автор нескольких монографий по проблемам предпринимательства.

ганизаций, способы мобилизации и реализации внутрифирменной власти и многие другие аспекты организации перестанут быть для слушателей абстрактными понятиями. Материал раскрывается на примере государственных корпораций, а также коммерческих и некоммерческих секторов экономики. Содержание этой учебной дисциплины апробировано ее автором на факультете социальных наук в рамках курса «Основные социологические подходы к анализу организаций».

На третьем году обучения студентам предлагается перенестись в мир предпринимательства и инновационных стартапов развития. Учебная дисциплина «Предпринимательство и создание новых фирм» (лек-

ции читает А.Ю. Чепуренко) подготовлена на основе обширного материала, собранного ее автором в течение последних 25 лет. Чем отличается предпринимательство от просто бизнеса? Каковы жизненный цикл новой фирмы и типичные проблемы на каждом этапе ее развития? Можно ли научить предпринимательству и какова роль университетов? Что такое социальное предпринимательство и приживется ли оно в России? В чем специфика развития предпринимательства в переходных экономиках и в частности в России? Как и зачем изучать предпринимательство? Эти вопросы рассматриваются не только в теоретической форме, но и иллюстрируются богатым эмпирическим материалом.

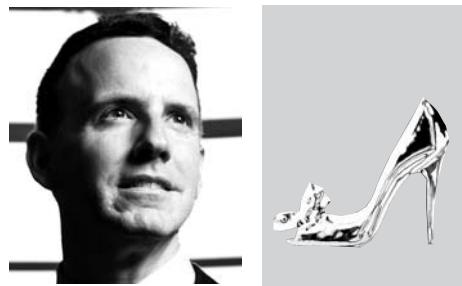
Отдельное внимание уделяется использованию различных видов информации (статистики, опросов, экспертных оценок) при анализе и прогнозировании развития бизнеса. Методика проведения лекционных и семинарских занятий по этим и многим другим темам в течение десяти лет успешно применяется ее автором в рамках учебной дисциплины «Социология предпринимательства» для студентов факультета социальных наук.

Завершается майнор «Социология рынков и организаций» курсом «**Неформальная и моральная экономика**». Он нацелен на развитие навыков критического осмысливания роли культурных, институциональных, политических и моральных ограничений в организации хозяйственной жизни. В первой половине курса студенты не только изучают результаты теоретических и эмпирических исследований в области неформальной и моральной экономики, но и осваивают правила подготовки академических текстов, а также обсуждают связанные с этим сложности и пути решения. Во второй половине курса на семинарах организуются творческие мастерские по написанию аналитического текста. Каждый из студентов формулирует исследовательскую проблему, поставленную в контексте моральной или неформальной экономики, собирает микроданные для разведывательного исследования и готовит собственную статью (эссе). Нацеленность курса на развитие аналитических навыков и особенно навыков академического письма определяет его полезность для последующего изучения любых учебных курсов гуманитарного профиля, а также дополнительно – для подготовки студентами любых специальностей своих выпускных квалификационных работ.

* * *

Преподаватели майнора «Социология рынков и организаций» стремятся к тому, чтобы их учебные дисциплины были полезны и интересны слушателям. Они всегда готовы ответить на все интересующие студентов вопросы – до, во время и после чтения курсов!

Разрешение парадокса Золушки¹

Эдвард Глейзер
профессор экономики им. Фреда и Элеоноры Глимп факультета гуманитарных и точных наук Гарвардского университета

Перевод с англ.
Тамары Кусимовой

В классической экономической теории семьи² выпуклая форма кривой безразличия предполагает, что родители должны распределять денежные расходы и время на воспитание в равных пропорциях между своими детьми. Явным контрпримером подобной модели оказывается история Золушки – бедной падчерицы, выполнявшей всю самую грязную и тяжелую работу в доме, в то время как ее сводные сестры готовились к поездке на бал.

Традиционное объяснение данного феномена (именуемого «парадоксом Золушки») отсылает нас ко всем известному скверному характеру мачехи. Считается, что злая женщина лишила Золушку ее доли семейного состояния, поскольку Золушка не была ее родной дочерью. В этом случае версия сказки Шарля Перро скорее подтверждает экономическую теорию семьи и ее основное предположение о склонности роди-

телей любить родных детей больше, чем приемных (данное предположение также обсуждает Г. Беккер в своих работах).

Для современных экономистов подобная теория выглядит по меньшей мере неточной. Допущение о том, что родители отдают предпочтение родным детям, выглядит *ad hoc* и весьма произвольным, основанным исключительно на безосновательных аргументах и повседневных наблюдениях. Вдумчивые экономисты-теоретики предпочитают исходно опираться на нечто более надежное, чем бытовая эмпирика, например, куда более приемлемы серьезные источники вроде книги Джона Харшаны и Райнарда Зельтена³.

Бруно Беттельгейм⁴ также считает, что фактор отношений между приемными членами семьи (в данном случае – отношения с мачехой и сводными сестрами) – всего лишь хитрая уловка в сказке о Золушке. По его мнению, сюжетная линия про характер взаимоотношений между сводными родственниками – это всего лишь «...способ объяснить и оправдать вражду, существование которой никто бы не пожелал родным братьям и сестрам»⁵. Беттельгейм вводит в анализ в той или иной степени определенные структуры предпочтений членов семьи (например, их нежелание переживать вражду между собой), которые более консервативно настроенный экономист не стал бы учитывать. Однако осправление Беттельгеймом аргумента об отношении к собственным детям поддерживает идею данного очерка, и поэтому должен быть принят во внимание серьезно.

Чтобы восполнить пробелы в парадигме отношения к родными детям,

¹ Источник: Glaeser E. The Cinderella Paradox Resolved // Journal of Political Economy. 1992. Vol. 100. No 2. Pp. 430–432. Публикуется с разрешения Издательства Университета Чикаго.

² См., например: Becker G.S. Altruism in the Family and Selfishness in the Market Place // Economica. 1981. Vol. 48. No. 189. Pp. 115.

³ Harsanyi J. C., Selten R. A General Theory of Equilibrium Selection in Games. Cambridge, Mass: MIT Press Books, 1988.

⁴ Bettelheim B. The Uses of Enchantment. L.: Penguin, 1976.

⁵ Ibid. Pp. 237.

я предлагаю куда более естественное объяснение «парадокса Золушки» с опорой на современную теорию стимулов (мое объяснение лишь отчасти согласуется с работой Сайруса Чу о праве майората⁶). В частности, брачный рынок в истории о Золушке можно представить при помощи модели турнира с выпуклой функцией выигрышей. Принц выбирал лучшую спутницу на основании ее человеческого капитала (всем понятно, что история с потерянной туфелькой звучит глупо, и гораздо более вероятно, что принц действовал рациональным образом, как у Беккера⁷), и отдача от человеческого капитала определялась его выбором спутницы.

Брак с принцем – это крупный выигрыш, ведь остальные мужчины в королевстве были всего лишь превращенными в людей мышами, тыквами и другими предметами! Так как на брачном рынке правители королевств были (и, пожалуй, остаются) гораздо предпочтительнее овощей, отдача от выигрыша в состязании за сердце принца (а значит, и отдача от человеческого капитала) велика и представляет собой выпуклую функцию.

Представленная ниже модель показывает, как старые добрые сказки могут стать проще и красивее благодаря порядковой статистике. Предположим, что мачеха максимизирует сумму вогнутых функций ожидаемой полезности (U) ее дочерей, имея некоторое количество человеческого капитала Q , который необходимо грамотно распределить. Если одна из ее дочерей выходит замуж за принца, то она получает M единиц полезности, в противном случае – получает 0⁸. Принц выбирает спутницу среди трех дочерей и всех других женщин королевства (предположим, что число всех женщин – W , а их человеческий капитал – H), и он настроен найти самую «качественную» супругу.

В этом случае для принца «качество» потенциальной супруги равно ее человеческому капиталу, плюс случайная ошибка, распределенная независимо среди всех женщин⁹. С помощью нескольких простых формул мачеха максимизирует полезность от вложений человеческого капитала в каждую из своих дочерей, включая приемную Золушку:

$$\begin{aligned} U(M \int F(Q_1 - H + \varepsilon)^W F(Q_1 - Q_2 + \varepsilon) F(Q_1 - Q_3 + \varepsilon) f(\varepsilon) d\varepsilon \\ + U(M \int F(Q_2 - H + \varepsilon)^W F(Q_2 - Q_3 + \varepsilon) F(Q_2 - Q_1 + \varepsilon) f(\varepsilon) d\varepsilon \\ + U(M \int F(Q_3 - H + \varepsilon)^W F(Q_3 - Q_2 + \varepsilon) F(Q_3 - Q_1 + \varepsilon) f(\varepsilon) d\varepsilon \end{aligned}$$

Где $Q_1 > Q_1 + Q_2 + Q_3$, $Q_1 \geq 0$, $Q_2 \geq 0$, $Q_3 \geq 0$

Естественно, эта проблема не имеет общего решения, но, подставляя в уравнение значение параметров и распределение случайных ошибок, можно заметить, что, когда ошибки распределены равномерно на интервале $[0, 1]$, $M = 1$, $H = 0.3$, $Q = 0.9$, $W = 3$ и $U(x) =$, оптимальная стратегия – распределить человеческий капитал в равной пропорции между двумя дочерьми, оставив третью ни с чем (данные для моделирования предстаются по запросу)¹⁰. Это, конечно, единственные разумные значения параметров. То, что в турнире эти значения совершенным образом уравновесили вогнутость функции полезности (U) и ее выпуклость, так что внутреннее решение поддержать

ним, поскольку в теории контрактов у нее есть огромное наследие, складывающееся из ситуаций, когда данная предпосылка куда менее реалистична.

⁶ Именно благодаря случайной ошибке Золушка, имеющая наименьшие шансы выйти замуж за принца, все-таки выигрывает состязание и становится его супругой.

⁷ Becker G.S. A Theory of Marriage: Part II // Journal of Political Economy. 1974. Vol. 82. No 2. Pp. S11-S26.

⁸ Я запрещаю побочные платежи или любое другое совместное использование полезности среди дочерей. Несмотря на критику, касающуюся совершенной нереалистичности предпосылки, ее выдвижение остается прекрас-

двоих дочек оказывается оптимальным, является выдающимся доказательством моей стратегии моделирования.

При заданных таким образом параметрах неравномерное распределение благ между Золушкой и ее сестрами не основано исключительно на субъективной неприязни мачехи к своей падчерице. Неравномерное распределение качества женихов на брачном рынке создает искажение в стимулах, требующих неравномерного распределения квалификации среди невест.

Таким образом, многовековая враждебность по отношению к фигуре мачехи в сказке о Золушке основана на непонимании задачи оптимизации в условиях несовершенного брачного рынка, с которой столкнулась мачеха. Нежелание же занимающихся анализом литературы обращаться к простым истинам турниров в теории игр превратило оптимально действующую и альтруистически настроенную главу семьи в злодейку¹¹.

Благодарности

Хосе Шейнкман внес неоценимый вклад в обсуждение данной темы; Гэри Беккер комментировал предварительную версию данной статьи. Многим важным грантододающим организациям не выпало шанса профинансировать данное исследование.

¹¹ В представленной модели не учтена асимметрия информации, тонкости равновесия и нелинейная динамика. Возможно, будущие работы исправят эти прискорбные упущения.

форум

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор департамента социологии, первый проректор, руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии, старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Гудова

аспирант департамента социологии, младший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист, дизайнер

НАШИ АВТОРЫ

Оксана Запорожец

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ

Елена Гудова

аспирант департамента социологии, младший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

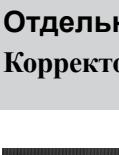
Максим Маркин

преподаватель департамента социологии, младший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

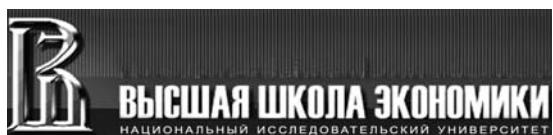
Эдвард Глейзер

профессор экономики им. Фреда и Элеоноры Глимп факультета гуманитарных и точных наук Гарвардского университета

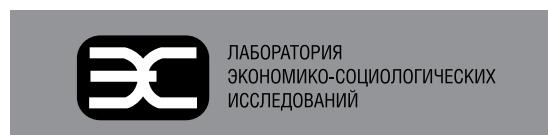

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>